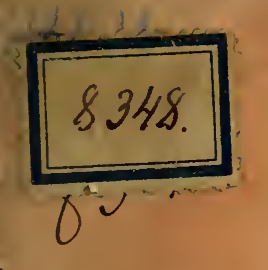

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА.

ДЛЯ ГИМНАЗІЙ, ГОРОДСКИХЪ И НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Выпускъ I: Исторія Рязанскихъ Князей (до 1520 года).

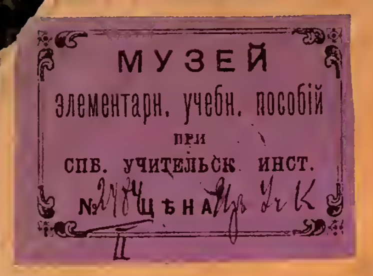
Составилъ

преподователь Рязанскаго Епархіальнаго Женскаго Училища

О. Савенко.

(Изданіе Ст. Ст. Шемаева).

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и комп.),
Леонтьевскій пер., домъ Лаврова.
1885.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА.

ДЛЯ ГИМНАЗІЙ, ГОРОДСКИХЪ И НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Выпускъ I: Исторія Рязанскихъ Князей (до 1520 года).

Составилъ

преподователь Рязанскаго Епархіальнаго Женскаго Училища

Ѳ. Савенко.

(Изданіе Ст. Ст. Шемаева).

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и комп.),
Леонтьевскій пер., домъ Лаврова.

1885.

Дозволено цензурой Москвѣ 17 ноября 1884 г.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Печатая „очеркъ Исторіи Рязанскаго Княжества" я имѣлъ въ виду интересъ не учащихъ, а учащихся, и потому въ моемъ очеркѣ помѣстилъ только выдающіеся факты изъ политической жизни княжества, собранныя въ систему. (Факты не изъ политической жизни будутъ изданы въ особомъ очеркѣ). Тексту я далъ характеръ конспекта, присоединивъ къ нему дополнительныя примѣчанія въ концѣ книжки. Пособіями для моего очерка служила извѣстная диссертація Дм. Ив. Иловайскаго: „Ист. Ряз. Княжества", „Гражданская Ист. Ряз. Княжества" Воздвиженскаго, лѣтописи и друг. сочиненія, а также статьи объ исторіи княжества, помѣщенныя въ журналахъ.

Полагаю, что кромѣ учащихся, моя книга, какъ справочная, можетъ помочь и народнымъ учителямъ при чтеніи ими сочиненій по Русской Исторіи—особенно объ исторіи междоусобій сѣверныхъ удѣльныхъ князей съ XI до XVI вѣка.

Составитель.

ОЧЕРКЪ

Исторіи Рязанскаго Княжества.

Всю исторію Рязанскаго княжества можно раздѣлить *на два періода*:

Первый періодъ обнимаетъ время отъ IX вѣка до Монгольскаго ига, или до 1237-го года.

Второй періодъ тянется отъ 1237-го года до окончательнаго присоединенія Рязанскаго княжества къ Московскому, или до 1520-го года.

Первый періодъ: отъ IX в. до 1237-го года.

Письменныхъ свидѣтельствъ и памятниковъ сохранилось мало о первоначальной исторіи Рязанскаго княжества. Изъ лѣтописи Нестора мы, впрочемъ, узнаемъ, что въ IX вѣкѣ Рязанскія земли населяли Финны: *Мордва*, *Мурома*, *Весь*, *Черемисы* и другія племена, платившія дань Русскимъ.

О Финскомъ племени *Мещеря* лѣтопись не упоминаетъ; всего вѣроятнѣе это племя было неизвѣстно нашему лѣтописцу, такъ какъ оно жило далеко на сѣверовостокѣ, выше Мурома, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ. И до сихъ поръ вся сѣверовосточная часть губерніи называется *Мещерской стороной*. *Мордва* населяла нынѣшнюю *Тамбовскую губернію*, по берегамъ рѣки *Мокши* и касалась только крайнихъ восточныхъ и юговосточныхъ предѣловъ Рязанскаго княжества. *Мурома* жила по нижнему теченію *Оки* и оставила по себѣ слѣды въ названіи города *Мурома*.

Когда Славяне шли по Окѣ (между прочими и *Вятичи*), то часть ихъ, достигнувъ Муромскихъ лѣсовъ, образовала *Муромское княжество*, а другая осталась близь этихъ лѣсовъ и образовала *Рязанское княжество*. Столицей этого княжества былъ городъ *Рязань* (нынѣ село Спасскаго уѣзда *Старая Рязань* [1]).

При первомъ появленіи своемъ въ исторіи, княжество Рязанское находилось въ зависимости отъ Муромскаго, но въ скоромъ времени первенство переходитъ на сторону Рязанскаго.

Первымъ удѣльнымъ Муромскимъ княземъ былъ *Глѣбъ*, сынъ Равноапостальнаго князя Владиміра св. — Позднѣе, въ IX вѣкѣ, земли *Муромо-Рязанскія* достались *Ярославу*, брату *Олега Черниговскаго*, по Любецкому сейму, въ 1096-мъ году [2]).

Въ исторіи *Ярославъ Рязанскій* является одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей: это былъ вполнѣ князь христіанинъ, понимавшій, что его обязанность прежде всего должна выражаться въ заботахъ о построеніи городовъ, о заселеніи края и о просвѣщеніи христіанствомъ темныхъ язычниковъ, преобладавшихъ по числу надъ христіанами.

Изъ городовъ Ярославомъ построены *Переяславль и Пронскъ* [3]). Неустанными и ревностными заботами Ярославу удалось совершить апостольскій подвигъ: крестить муромскихъ язычниковъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ преданіе:

Когда сыновья Ярослава, *Михаилъ и Ѳедоръ* прибыли въ *Муромъ*, какъ намѣстники отца, то языческая партія встрѣтила ихъ явнымъ возстаніемъ и одинъ изъ княжичей, Михаилъ, былъ убитъ.

Тогда Ярославу пришлось вооруженною рукою брать непокорный городъ. Но онъ, по характеру своему, не любилъ крутыхъ мѣръ, а старался дѣйствовать на народъ путемъ кроткимъ увѣщаній и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгалъ къ угрозамъ. Когда князь прибылъ въ городъ, то мятежники сдѣлали покушеніе и на его жизнь. Но князь не прибѣгнулъ ни къ какимъ карамъ: онъ укротилъ язычниковъ, показавъ имъ икону Богоматери.

Въ 1115 году скончался знаменитый *Олегъ Гориславичъ*, а спустя семь лѣтъ умеръ и старшій братъ его, кроткій *Давидъ*. Это обстоятельство заставляетъ Ярослава на нѣкоторое время оставить *Муромъ* и перемѣститься *въ Черниговъ* на отцовскій столъ. Но неискательный Ярославъ немедленно оставилъ Черниговъ, какъ только узналъ, что жители желаютъ имѣть у себя княземъ *Всеволода Олеговича*, его роднаго племянника.

Этотъ фактъ важенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны онъ рисуетъ передъ нами кротость и уступчивость Ярослава, предпочитавшаго потерю наслѣдственнаго удѣла губительному междоусобію; съ другой стороны этотъ фактъ доказываетъ, что въ первой четверти XII вѣка еще существовала крѣпкая связь между землями Черниговскими и Муромо-Рязанскими. Но со смерти Ярослава она прекращается и сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ притязаній на старшинство въ родѣ Черниговскихъ Святославичей.

По смерти Ярослава [4]) остались сыновья *Юрій*, *Святославъ и Ростиславъ*.

Первые два княжили одинъ за другимъ *въ Муромѣ*, а *Ростиславъ* былъ княземъ *Рязанскимъ* *[5]). По смерти Ростислава область Рязанскую наслѣдовалъ сынъ его *Глѣбъ*.

Въ 1177 году лѣтописи упоминаютъ о битвѣ на рѣкѣ *Колакшѣ*, въ Рязанскомъ княжествѣ, между *Глѣбомъ* и *Владимірскимъ княземъ Всеволодомъ III*. Князь *Глѣбъ* былъ взятъ въ плѣнъ и въ плѣну умеръ [6]).

Сыновья Глѣба вели междоусобную войну по кончинѣ отца. Старшій его сынъ *Романъ* спорилъ за нѣкоторыя волости съ младшими братьями (*Пронскими* князьями). Междоусобіе то прекращалось, то возобновлялось снова.

Въ 1181 году великій князь примирилъ Глѣбовичей, но этотъ міръ продолжался не долго.

---

*) Съ княженія Ростислава начинается нескончаемая вражда между князьями Рязанскими и Суздальскими. Нашествіе татаръ прекратило эту распрю, но она возобновилась съ новой силой въ XIV вѣкѣ, когда мѣсто Суздальскаго княжества заняло, по политическому могуществу, кн. Московское.

Въ 1183 году Глѣбовичи участвовали вмѣстѣ съ великимъ суздальскимъ княземъ въ походѣ противъ Болгаръ. Кажется, что во время этого похода Глѣбовичи рѣшили произвести новый дѣлежъ волостей, который въ 1186 году и удалось осуществить князьямъ. Но этотъ передѣлъ подалъ для Глѣбовичей новый поводъ къ недоразумѣніямъ и ссорамъ. — По добровольному соглашенію, братья раздѣлились такъ, что Рязань съ принадлежащими къ ней волостями получили три старшіе Глѣбовича—Романъ, Игорь и Владиміръ, а Пронскъ, со всѣми принадлежащими къ нему землями, получили младшіе Глѣбовичи: Всеволодъ и Святославъ.

Кто изъ Глѣбовичей первый подалъ поводъ къ распрямъ на это трудно указать съ точностью. Изъ сказаній лѣтописи мы не видимъ главнаго лица, руководившаго распрей, и находимъ только краткое указаніе, что Глѣбовичи Романъ, Игорь и Владиміръ умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ тайно, звали ихъ на совѣтъ, что бы разобрать ихъ вражду съ Игоремъ и Владиміромъ, но меньшіе братья узнали, что князья хотятъ ихъ умертвить, и не только не поѣхали на съѣздъ, но начали укрѣплять свой городъ и готовиться къ оборонѣ. Тогда Глѣбовичи—Романъ, Игорь и Владиміръ не медля выступили съ войсками къ Пронску и осадили городъ, опустошивъ его окрестности. — Всеволодъ Суздальскій, узнавъ о такомъ положеніи Пронска, писалъ старшимъ Глѣбовичамъ: „Братья, что это вы дѣлаете? Удивительно-ли, что поганные воевали насъ? Вы вотъ теперь хотите и родныхъ братьевъ убить“. Но такъ какъ братья не послушали Всеволода и продолжали осаждать Пронскъ, то онъ выслалъ имъ не только Владимірское войско, но велѣлъ идти вслѣдъ за нимъ свояку своему Ярославу Владиміровичу и муромскимъ князьямъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ.

Слухъ о приближеніи сильнаго Суздальскаго войска заставилъ большихъ Глѣбовичей снять осаду. Дойдя до Коломны войско вел. князя узнало объ отступленіи Глѣбовичей и возвратилось во Владиміръ, а вслѣдъ за войскомъ

пріѣхалъ и одинъ изъ младшихъ Глѣбовичей, Всеволодъ; Святославъ, въ это время оставался въ Пронскѣ. Тогда старшіе Глѣбовичи, не опасаясь болѣе суздальской дружины вторично осадили Пронскъ, отняли у жителей воду и велѣли сказать Святославу: „Не мори людей голодомъ; ты намъ братъ: сдай городъ, а мы тебя не съѣдимъ: только не приставай ко Всеволоду“. Малодушный Святославъ, исполняя волю бояръ, примирился съ братьями и что бы не утратить княженія, выдалъ имъ связанную дружину Всеволода, его жену и Владимірцевъ. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ Глѣбовичъ началъ мстить брату разореніемъ Пронской области, а великій князь требовалъ отъ измѣнника, что бы онъ возвратилъ ему Владимірцевъ. „Ты у меня выбилъ ихъ челомъ: если ты ратенъ, то и они ратны, если ты миренъ, то и они мирны“.

Желая положить конецъ бѣдственной враждѣ Глѣбовичей, Всеволодъ Юрьевичъ грозно потребовалъ отъ князей Рязанскихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, стращая имъ войной. Князья, опасаясь великаго князя, объявили, что единственною причиною вражды послужилъ безпокойный нравъ брата ихъ Всевоволода Пронскаго; что они живутъ теперь въ согласіи и почитаютъ великаго князя, какъ старшаго брата. „Ты отецъ нашъ, ты господинъ, ты братъ“—послали сказать Всеволоду Рязанскіе князья,—„гдѣ твоя обида будетъ, то мы прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не гнѣвайся на насъ: если воевали съ братомъ, то оттого, что онъ насъ не слушается, а тебѣ кланяемся и дружину твою отпускаемъ“.

Миръ возстановился не надолго. Вскорѣ между братьями возникли новыя несогласія, которыя заставили Всеволода Юрьевича вторично угрожать Глѣбовичамъ войною. Но братья чувствовали, что они не въ состояніи противостоять силѣ великаго князя Владимірскаго, а поэтому они и упросили Черниговскаго епископа Порфирія, что бы онъ отправился во Владиміръ и примирилъ ихъ съ братьями. Посольство Порфирія, однако не достигло цѣли. Великій князь отправилъ пословъ своихъ въ Рязань, но вѣроятно съ предложеніемъ тяжелыхъ условій, потому что

епископъ, прибывъ въ Рязань нѣсколькими днями раньше пословъ, представилъ дружественное расположеніе Всеволода, какъ коварный замыселъ недоброжелателя и совѣтовалъ имъ не поддаваться великому князю Владимірскому. Послы безъ всякаго успѣха должны были возвратиться во Владиміръ и вскорѣ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, вмѣстѣ съ Муромскимъ и Коломенскимъ княземъ, перешелъ черезъ Оку. Войска направились къ городу Поновy, сожгли и разорили много селъ и возвратились во Владиміръ съ большимъ числомъ плѣнниковъ. Въ тоже время съ юга вторглись въ предѣлы Рязанскіе Половцы и бѣдствія князя сдѣлались невыносимы. Романъ поспѣшилъ помириться со Всеволодомъ и вожделѣнная тишина возстановилась почти на двадцать лѣтъ.

Въ 1208 году *Всеволодъ Юрьевичъ* что бы наказать Глѣба, сжегъ Рязань, а жителей разселилъ по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества. Вслѣдъ за *Всеволодомъ Юрьевичемъ* вторглись въ Рязань *Болгары* и также разорили ее. Романъ Глѣбовичъ умеръ въ плѣну у Всеволода Юрьевича, во Владимірской темницѣ [7]).

По смерти *Всеволода Юрьевича*, сынъ его *Юрій*, озабоченный борьбой съ братомъ Константиномъ Ростовскимъ, не вмѣшивается въ раздоры Рязанскихъ князей; тѣмъ не менѣе раздоры эти принимаютъ кровавый и возмутительный характеръ. Въ 1217-мъ году племянники покойнаго Романа, *Глѣбъ и Константинъ*, желая одни властвовать въ Рязани, условились умертвить всѣхъ своихъ родственниковъ. Шесть князей, приглашенныхъ подъ предлогомъ условиться о раздѣлѣ земель, въ княжескій станъ, въ село Исады, погибли съ боярами своими подъ мечами убійцъ. Только одинъ князь Ингваръ Ингваревичъ, неуспѣвшій прибыть въ назначенный день на съѣздъ, остался для мести за братьевъ. Братоубійцы бѣжали къ Половцамъ [8]). По смерти Ингваря, въ 1224 году, престолъ перешелъ къ брату его Юрію. Въ томъ-же году послѣдовало перенесеніе чудотворной иконы св. Николая изъ Корсуни (Херсонеса) въ земли Рязанскія. —Этимъ оканчивается первый (*до Татарскій*) періодъ исторіи Рязан-

скаго княжества. Изъ приведеннаго обзора важнѣйшихъ фактовъ этого періода, мы должны остановиться на слѣдующихъ чертахъ, которыя ясно обнаружились и опредѣлили характеръ политическихъ интересовъ Рязанскаго княжества съ X вѣка до XIII:

1) Распространеніе христіанства между язычниками. Прочный залогъ исполненія этой задачи, важной для просвѣщенія массы, положилъ Ярославъ Святославичъ Рязанскій, крестивъ Муромскихъ язычниковъ.

2) Невыгодное географическое положеніе Рязанскаго княжества вызвало борьбу между потомствомъ Святослава Черниговскаго и Мономаховичами.

(См. примѣч. 5 и послѣдующія).

3) Продолжительная борьба Суздальскихъ князей, за политическое первенство своего княжества, съ двумя поколѣніями князей Рязанскихъ (Ростиславъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ съ братьями и Романъ, сынъ Глѣба, также съ братьями,) способствовала къ образованію грубаго, упрямаго, жестокаго и при этомъ воинственнаго характера Рязанскихъ князей: весь первый періодъ, до нашествія татаръ, ознаменованъ только войнами.—Духовное просвѣщеніе народа, торговля и строеніе городовъ отступаетъ на второй планъ. Всѣ эти факторы народной жизни развиваются не-зависимо отъ участія князей, силами самого народа; а это способствуетъ развитію народнаго духа — народной предпріимчивости, которая сказалась въ торговлѣ и въ устройствѣ княжества во *второй* періодъ, въ княженіе Олега Іоанновича. (Изложеніе фактовъ изъ внутренней жизни княжества, обнимающихъ оба періода, см. во 2-мъ выпускѣ.)

II періодъ: исторія Рязанскаго княжества во время господства Монголовъ до окончательнаго присоединенія его къ Московскому княжеству: 1237-го года до 1520-го.)

Въ 1237-мъ году, во время нашествія татаръ, князья Рязанскіе поспѣшно вышли на встрѣчу врагамъ. Не надѣясь,

однако, на свои силы, они просили помощи у князей Владимірскихъ, Черниговскихъ и Сѣверскихъ, но получили отказъ. Тогда, предоставленные собственнымъ своимъ средствамъ, весьма недостаточнымъ для успѣшной борьбы съ Монголами, князья Рязанскіе рѣшились вступить съ врагами въ переговоры. Князь *Өедоръ*, сынъ *Юрія Ингваревича*, отправился къ *Батыю* въ Воронежъ съ богатыми дарами; но ханъ не былъ ими доволенъ и требовалъ гораздо большаго. *Өедоръ* былъ казненъ. [9]) Получивъ вѣсть о смерти сына, *Юрій* вступилъ съ Батыемъ въ бой и былъ разбитъ совершенно. Послѣ пятидневной борьбы Рязань была сожжена, а князь Юрій съ семействомъ убитъ. Опустошивъ *Коломну*, *Москву* и *Владиміръ*, Батый черезъ Рязанскія земли направлялся въ страну Вятичей, *въ Козельскъ.*[10])

Рязанское княжество, по уходѣ татаръ, представляло страшную картину опустошенія. Города и села лежали въ развалинахъ, жители разбѣжались по лѣсамъ. Трупы несчастныхъ жертвъ долго оставались не погребенными; между ними восемь князей, со множествомъ бояръ и воеводъ съ ихъ семействами. *) Въ живыхъ остались только братья Юрія Ингваревича—Ингварь, посланный въ Черниговъ домагаться помощи и Олегъ, взятый монголами въ плѣнъ. Инварь скоро умеръ и на Рязанскій престолъ вступилъ братъ его, Олегъ, еще при жизни Ингваря возвратившійся изъ плѣна. При немъ въ 1257 году была произведена татарская перепись: татары перечислили всю землю Суздальскую, Муромскую и Рязанскую, за исключеніемъ духовенства. Въ слѣдующемъ году, сдѣлавшись чернецомъ и принявъ схиму, онъ скончался и былъ по-

---

*) Вотъ что писалъ митрополитъ Пименъ о разореніи татарскомъ, путешествуя въ Цареградъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ утвержденія татаръ на Руси:

„Путешествіе сіе (на югъ отъ Переяславля) было печально и уныло; тамъ гдѣ прежде были красивые и цвѣтущіе города, теперь только пустыя и безлюдныя мѣста. Нигдѣ не видно человѣка; только дикія животныя: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и т. п. во множествѣ встрѣчаются въ этой пустынѣ“.

гребенъ въ церкви Спаса. (До смерти Олега князей хоронили въ Борисоглѣбскомъ Соборѣ). Отъ *Олега* престолъ перешелъ къ сыну его *Роману*. Но поѣхавъ въ орду въ 1270-мъ году Романъ былъ замученъ [11]). *Роману* наслѣдовали сыновья его *Θедоръ*, *Ярославъ* и *Константинъ*, которые княжили въ Рязани одинъ за другимъ. Князь Константинъ умеръ въ плѣну, въ темницѣ Московскаго князя Георгія, сына Даніила, послѣ междоусобной войны за Коломну.

Въ 1320 году престолъ Рязанскій занялъ *внукъ* Ярослава Романовича, *Іоанъ Іоанновичъ*, по прозванію Коротополъ. Онъ ограбилъ и казнилъ въ Переяславѣ князя *Александра Пронскаго*, ѣхавшаго въ орду съ дарами и за это скоро самъ лишился престола и жизни. Сыновья убитаго князя Пронскаго, *Ярославъ* и за нимъ *Іоаннъ* были послѣ Коротопола князьями Рязанскими. Въ 1350 году престолъ перешолъ *къ сыну* Іоанна Александровича, знаменитому *Олегу*. При Олегѣ Іоанновичѣ Рязанское княжество начало быстро оправляться. Но въ 1364 году его постигло несчастіе: именно—черная смерть (или моровая язва): какъ гнѣвъ Божій она пала надъ Русскою землею и опустошила Рязанское княжество. [13]) Послѣ моровой язвы и ужасовъ, произведенныхъ ею, мы въ Рязанскихъ лѣтописяхъ не находимъ важныхъ событій до 1370 года. [14]) Съ этого времени возобновляется упорное наступленіе Москвы на Рязань. Споръ возникъ по поводу неясности границъ между владѣніями Московскаго и Рязанскаго князя. Воевода Димитрій Михайловичъ Волынскій съ сильной ратью Московской вступилъ въ Рязанскую область и, по сказаніямъ лѣтописи, встрѣтился съ не менѣе многочисленными полками Олега, вѣрившими въ побѣду и съ гордостью и презрѣніемъ смотрѣвшими на своего врага. „Рязанцы суровы суть человѣцы, свирѣпы, высокоумны, полоумніи людища“,—такъ рисуетъ ихъ лѣтописецъ; „они до того вознеслись умомъ, что въ безуміи своемъ начали говорить другъ другу: не берите съ собою доспѣховъ и оружія, а возьмите только ремни и веревки, чѣмъ было бы вязать робкихъ и слабыхъ Москвичей“: („не имѣемъ себѣ ни щитовъ, ни копьевъ, ни иного котораго оружія, но токмо съ собою

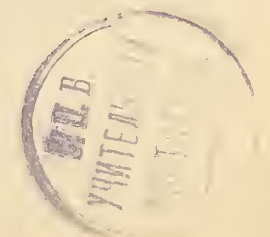
емлемъ едины ужища, да когождо изымавше москвича было бы чѣмъ вязати, понеже суть слаби и страшливы и не крѣпцы".) Битва произошла недалеко отъ Переяславля Рязанскаго, на мѣстѣ, называвшемся Скорнищево. Битва была упорная и (продолжаетъ лѣтописецъ) „тщетно махали Рязанцы веревочными и ременными петлями: они падали какъ снопы и были убиваемы какъ свиньи." Князь Олегъ Іоанновичъ бѣжалъ. Престолъ Рязанскій великій князь Московскій отдалъ Владиміру Дмитріевичу Пронскому. Однако торжество Владиміра и Москвитянъ было не продолжительно. Съ помощью татарскаго мурзы Салахмира, который привелъ изъ орды значительную дружину, Олегъ изгналъ непріятелей изъ своего княжества и привелъ въ свою волю Владиміра Пронскаго. Великій Московскій князь на этотъ разъ не могъ помѣшать возвращенію Олега, такъ какъ былъ занятъ борьбою съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ. Притомъ онъ уже становился въ оборонительное положеніе и относительно завоевателей — татаръ, тѣмъ болѣе, что Новгородская и Рязанская область стали весьма часто подвергаться нападеніямъ отдѣльныхъ татарскихъ шаекъ и на требованія князей прекратить эти набѣги, ордынское правительство не обращало никакого вниманія. Въ 1372 году внезапный набѣгъ татаръ захватилъ нынѣшнюю Рязань и князь Олегъ раненый и обагренный кровью едва могъ спастись.—Эти шайки татаръ мгновенно приходили, мгновенно и скрывались: цѣль ихъ была одна: грабить и жечь.

Кажется, что такія тревоги побудили Олега войти въ дружескія отношенія къ Дмитрію. Въ 1372 году, именно въ годъ упомянутаго выше набѣга, въ договорной грамотѣ съ Ольгердомъ, онъ (Олегъ) и Владиміръ Пронскій упоминаются какъ сторонники Московскаго князя, а по другой договорной грамотѣ, которая относится къ 1375 году съ Михаиломъ Тверскимъ, князь Рязанскій Олегъ признается третейскимъ судьею въ спорныхъ дѣлахъ между Москвою и Тверью.

Мамай, слѣдившій за поведеніемъ Димитрія Іоанновича, съ 1375 г. сталъ подозрительно смотрѣть на дружбу Олега

и Димитрія. Трудно сказать съ вѣдома ли Мамая или по собственнымъ побужденіямъ достать добычу, но въ 1377 году Рязанская область подвергнулась сильному нападенію татарскаго царевича Арапши. Онъ сжегъ Переяславль и захватилъ въ плѣнъ самаго Олега, которому скоро удалось убѣжать изъ плѣна. Въ слѣдующее лѣто, Мамай послалъ войско на Димитрія подъ начальствомъ знатнаго мурзы Бегича. Дмитрій Іоанновичъ, узнавъ о походѣ Бегича, собралъ сильную рать и переправившись черезъ Оку, вступилъ въ Рязанскую область и самъ двинулся на встрѣчу татарамъ. Встрѣтились войска на берегахъ рѣки Вожи. Нѣсколько дней враги наблюдали другъ за другомъ но не рѣшались перейти рѣку. Наконецъ 11 августа татары первые переправились черезъ Вожу и ударили прямо на князя. Но Димитрій Іоанновичъ дружно отразилъ ихъ нападеніе и привелъ въ такое замѣшательство, что они бросили свои копья и бѣжали за рѣку. Великій князь преслѣдовалъ бѣжавшихъ, билъ ихъ, топилъ въ рѣкѣ. Когда Дмитрій Іоанновичъ осмотрѣлъ поле, гдѣ стояли татары, на другой день послѣ битвы, то нашелъ повозки со множествомъ товаровъ, и ихъ шатры. Памятники этой битвы—это высокіе курганы на берегу Вожи, на которыхъ выстроилось село Ходынь, въ 15 верстахъ отъ Рязани. Вѣроятно, приведенный въ ярость такой страшною неудачею, Мамай бросается на Рязань. Но Олегъ, судя по описаніямъ лѣтописи, не ожидалъ такого нападенія. Узнавъ о приближеніи татарскихъ полчищъ, Олегъ перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки и оставилъ свои волости на жертву грабителямъ. Татары разорили Дубокъ, Переяславль и другіе города; сожгли множество селъ и увезли съ собою большее количество плѣнниковъ. Сильно опечалился Олегъ, когда увидѣлъ свое княжество разореннымъ. Жители, спасшіеся отъ плѣна, должны были селиться какъ въ необытаемомъ краю и строить новыя хижины. *) Хотя опустошеніе простиралось далеко не на цѣлое княжество, но оно постигло самую лучшую часть его—правое прибрежье Оки. **)

*) Ник. IV. 82. — (**) Ист. Ряз. Кн. Ил.

Побѣда на берегахъ рѣки Вожи предвѣщала близкую грозу со стороны орды: Мамай рѣшился не только унизить Димитрія, отомстивъ ему за пораженіе татарскихъ войскъ на Вожѣ, но и уничтожить своего соперника, заставивъ его признавать ту-же отъ татаръ зависимость, какую признавали русскіе князья во времена Батыя. Подготовляясь къ грозному походу, Мамай собиралъ обширную рать, призывая для борьбы съ Димитріемъ татаръ, черкесовъ, ясовъ, кавказскихъ евреевъ, армянъ и генуэзцевъ, посѣщавшихъ Крымъ.—Приготовивъ войско къ выступленію, Мамай собралъ всѣхъ ордынскихъ князей и торжественно объявилъ имъ, что идетъ по слѣдамъ Батыя, дабы уничтожить государство Россійское, казнить строптивыхъ своихъ рабовъ, обратить въ пепелъ города и церкви христіанскія и забрать русское золото. Желая обезпечить успѣхъ войны сколь можно вѣрнѣе, онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ литовскимъ княземъ Ягайло, который обѣщалъ дѣйствовать согласно съ татарами. [15]) Этотъ походъ Мамая завершала знаменитая Куликовская битва. Послѣ Куликовской битвы униженный Мамай возвратился въ свои улусы въ видѣ робкаго бѣглеца. Онъ впрочемъ не терялъ надежды собрать еще разъ татарскія полчища и снова двинуть на ненавистнаго для татаръ Московскаго князя. Но судьба готовила иную участь для гордаго хана: изъ Азіи, тотчасъ послѣ Куликовской битвы, въ приволжскихъ степяхъ, явился другой предпріимчивый и грозный не менѣе Мамая князь Тохтамышъ.

Князья и вельможи Мамаевы, недовольные послѣдствіями Куликовской битвы, измѣнили Мамаю и перешли на сторону Тохтамыша, вѣроятно, надѣясь, что онъ возстановитъ снова величіе и могущество татаръ и доведетъ его до той степени славы и вліянія на Россію, какою пользовались татары во времена Батыя.

Оба вождя, Мамай и Тохтамышъ, сошлись на берегахъ Калки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ татары при первомъ пришествіи своемъ въ Россію разбили Русскихъ и заставили ихъ бѣжать, надолго покрывъ позоромъ свое имя. Теперь таже участь постигла Мамая: онъ былъ разбитъ

Тохтамышемъ и спасая свою жизнь и сокровища, бѣжалъ въ Крымъ. Тамъ вскорѣ онъ былъ убитъ мѣстными жителями, которые завидовали его сокровищамъ.

Послѣ Калкской битвы, Тохтамышъ покорилъ себѣ всю орду и немедленно отправилъ къ великому Московскому князю пословъ съ дружелюбнымъ заявленіемъ, что ихъ общаго врага-Мамая не существуетъ. Дмитрій принялъ пословъ съ честію и ласково отпустилъ ихъ изъ Москвы, отправляя вслѣдъ за ними и собственныхъ пословъ къ хану. Примѣру Дмитрія послѣдовали и другіе князья. Но въ слѣдующее лѣто ханъ послалъ къ Дмитрію царевича Аккозю, котораго сопровождали 700 воиновъ.—Царевичъ отъ имени Тохтамыша требовалъ, чтобы всѣ Русскіе князья, какъ настоящіе подданные Монголовъ, явились немедленно къ хану въ орду. Въ Нижнемъ-Новгородѣ царевичу сказали, что великій князь не отвѣчаетъ за жизнь царевича, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною. Аккозя возвратился къ хану, но приказалъ ѣхать въ Москву нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей.—Но и тѣ, опасаясь ненависти со стороны Московскихъ жителей, не посмѣли явиться въ Москву.

Такъ какъ Дмитрій Іоанновичъ не пріѣхалъ въ орду и тѣмъ ясно показалъ, что онъ болѣе не считаетъ Тохтамыша своимъ господиномъ, то ханъ тайно сталъ приготовляться къ войнѣ, чтобы вѣрнѣе ударить на Московскаго князя.—Прошелъ годъ послѣ пріѣзда въ Россію царевича Аккози. Дмитрій спокойно занимался въ это время устройствомъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ,—когда отъ Волги стали приходить слухи, что Тохтамышъ обижаетъ нашихъ купцовъ въ нынѣшней Казани (въ то время этотъ городъ назывался Волгарами) и позволяетъ татарамъ безнаказанно расхищать ихъ товары. Вслѣдъ за симъ, Тохтамышъ отобралъ суда у нашихъ купцовъ, плававшихъ по Волгѣ и началъ снаряжать ихъ для переправы черезъ Волгу своихъ войскъ.—Еще немного спустя, пришли новые слухи, что и Олегъ Рязанскій присоединился къ Тохтамышу, встрѣтилъ его на границѣ своихъ владѣній и указываетъ ему путь и безопасные броды на рѣкѣ Окѣ.—

Димитрій не рѣшился вступать въ борьбу съ сильнымъ ханомъ — сказавъ: „не хочу губить остатковъ Русскихъ войскъ!“ Онъ распустилъ войска и самъ удалился въ Кострому съ супругою и дѣтьми. Но уѣхавъ изъ Москвы, Димитрій Іоанновичъ, кажется, не терялъ надежды побѣдить Тохтамыша и какъ разсказываетъ преданіе, пріѣхавъ въ Кострому, онъ снова началъ собирать войско. Между тѣмъ Тохтамышъ, узнавъ, что Димитрій Іоанновичъ собираетъ въ Костромѣ войско, сжегъ Москву и, возвращаясь въ столицу, предалъ разоренію Рязань.

Первою мыслію Димитрія по удаленіи Тохтамыша было наказать Олега. Рязанцы дорого поплатились за вѣроломство своего князя, но и Олегъ не остался въ долгу: въ 1385 г. онъ внезапно началъ войну взятіемъ Коломны. 25 Марта, въ день Благовѣщенія, городъ былъ взятъ и разграбленъ. Коломенскій намѣстникъ вмѣстѣ со многими боярами были убиты; а лучшіе люди отведены въ плѣнъ. Рязанцамъ досталась богатая добыча, потому что городъ уже тогда производилъ богатую торговлю и считался однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ въ Россіи. Но Олегъ вскорѣ оставилъ разоренную Коломну, вѣроятно не надѣясь удержать ее за собою. Димитрій Іоанновичъ собралъ многочисленную рать и послалъ ее на Рязань съ Владиміромъ Андреевичемъ; изъ подручниковъ Димитрія въ этомъ походѣ участвовали внукъ Ольгерда, а также князья Тарусскіе и многіе другіе. Олегъ не уклонился отъ рѣшительной битвы и на этотъ разъ загладилъ стыдъ пораженія на Скорнищевѣ. Москвитяне, потерявши много бояръ и лучшихъ людей, воротились назадъ. Перевѣсъ войны явно былъ на сторонѣ Олега и онъ дѣятельно готовился къ новымъ битвамъ, вѣроятно надѣясь воротить многія Рязанскія мѣста, отошедшія къ Москвѣ, преимущественно Коломенскую волость. Димитрій, испытавшій тяжкія неудачи послѣ своей блестящей побѣды и занятый другими дѣлами, не хотѣлъ истощать свое княжество упорною борьбою съ Рязанцами и предложилъ Олегу миръ; послѣдній отказался отъ мира, т. е. потребовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Нѣсколько разъ посылалъ къ нему Ди-

митрій своихъ бояръ, но Олегъ оставался не преклоненъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1386 года Московскій князь посѣтилъ Троицкій монастырь и его знаменитаго основателя. Набожный Димитрій заставилъ отслужить молебенъ, накормилъ братію, роздалъ милостыню, а потомъ обратился къ Сергію съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посольство въ Рязань и уговорилъ бы Олега къ вѣчному миру.

Преподобный Сергій тою же осенью отправился въ путь, сопровождаемый нѣсколькими старшими боярами великаго князя. Прибывъ въ Переяславль Рязанскій, игуменъ остановился возлѣ города въ Троицкомъ монастырѣ, переночевалъ здѣсь и на другой день поутру вступилъ въ княжескій дворецъ. По словамъ лѣтописи чудный старецъ сталъ съ кротостью бесѣдовать съ княземъ о мирѣ; напомнилъ, что князь долженъ охранять, а не губить людей; что для Творца вселенной всего пріятнѣе любовь и милосердіе. Въ яркой картинѣ нарисовалъ словами пагубныя послѣдствія междоусобныхъ войнъ, за которыя потребуются отчетъ тамъ, гдѣ всѣ будутъ судиться по дѣламъ, но безъ всякихъ отличій и безъ власти. Кроткія рѣчи благочестиваго инока произвели такое впечатлѣніе на суровое сердце Олега, что онъ умилился и плача сказалъ Сергію: „Повинуюсь, буду жить съ великимъ княземъ Димитріемъ въ мирѣ и любви“.—„И Богъ будетъ съ тобою“,—отвѣчалъ благочестивый старецъ.

Олегъ, дѣйствительно, сдержалъ свое обѣщаніе и заключилъ съ Димитріемъ искренній и вѣчный союзъ, утвержденный потомъ родственнымъ союзомъ: сынъ Олега Ѳедоръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Дмитрія, Софіей.

Въ 1389 году Россіи угрожала опасность отъ новаго Монгольскаго завоевателя Тамерлана. Сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ или Тамерланъ началъ въ въ половинѣ XIV вѣка свое поприще мелкимъ грабежемъ и разбоями, а въ 1371 г. владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манжуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Золотой Орды, но не хотѣлъ быть благодарнымъ, вооружился противъ Тамерлана, потерпѣлъ

пораженіе и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ Болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ предѣлы Россіи, перешелъ Волгу, степи Саратовскія и вступивъ въ наши юговосточные предѣлы, взяяъ Елецъ, гдѣ господствовалъ князь Θеодоръ, данникъ князя Олега Рязанскаго. Тамерланъ, плѣннивъ владѣтеля Елецкаго со всѣми его боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами этой рѣки, опустошая Рязанскую область. Елецъ вмѣстѣ со своимъ княземъ Θеодоромъ и со всѣмъ населеніемъ сдѣлался жертвой Монголовъ.

Нападеніе Тамерлана не было печаянное и Василій Димитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границахъ своего княжества на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней въ землѣ Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра; образъ этотъ остался съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, какъ главнѣйшая святыня столицы [16]),

Въ 1400 году Олегъ снова воевалъ съ татарами и на этотъ разъ побѣдоносно. Онъ стѣснилъ татаръ въ Степяхъ между Хопромъ и Дономъ, побѣдилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ Маманъ-Султапа съ другими Ордынскими князьями.

Послѣднимъ дѣломъ Олега была война съ Литовцами: Олегъ задумалъ отнять городъ Черниговъ у Литовскаго князя Витовта. Опъ объявилъ войну литовскому князю и отправилъ сына своего Родослава къ городу Брянску, но полководцы Витовта ожидали Рязанцевъ не далеко отъ Любутска, верстахъ въ 60 отъ г. Калуги, и разбивъ Рязанцевъ па голову, плѣнили самаго Родислава. Старецъ Олегъ не могъ пережить этого несчастія и вскорѣ умеръ [17]).

Прахъ знаменитаго Олега погребенъ въ Солотчинской обители, имъ основанной [18]).

Въ княженіе Олега, Муромъ, давно уже едва признававшій власть князей Рязанскихъ, перешелъ во власть великаго князя Московскаго, а также и Таруса, князья которой долго колебались въ вѣрности между Москвой и

Рязанью. Касимовъ также поступилъ въ обладаніе Москвы [19]).

Со смертью Олега кончается прежняя независимость Рязанскаго княжества и наступаетъ эпоха постепеннаго подчиненія этого княжества вліянію Московскихъ князей.— Сынъ Олега Өедоръ заключилъ договоръ съ вел. княземъ Московскимъ, въ которомъ точно опредѣлилъ свои отношенія къ Москвѣ и Московскимъ великимъ князьямъ. Эта договорная грамота относится къ 1415 году. Въ ней кн. Өедоръ обязывается чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донскаго меньшими братьями: даетъ слово не имѣть ни-какихъ сношеній съ ханами и литвою безъ вѣдома Московскаго князя; увѣдомлять его о всѣхъ движеніяхъ или намѣреніяхъ Орды; признаетъ Орду границею своихъ и Московскихъ владѣній. Василій-же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея князей; обѣщаетъ именовать Өеодора великимъ княземъ.

Өедоръ умеръ въ 1427 году. Въ его княженіе, въ 1408 году, князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій, соединясь съ татарами, напалъ на Рязань, вытѣснилъ изъ нея Өедора Ольговича и захватилъ себѣ оба престола Рязанскій и Пронскій.—Но при посредствѣ Московскаго князя Василія Дмитріевича, князья примирились и Өедору былъ возвращенъ его рязанскій престолъ.

У Өедора былъ сынъ Иванъ. — По примѣру отца онъ также заключилъ съ Московскимъ княземъ договорную грамоту, въ которой обязывался не приставать ни къ Литвѣ, ни къ татарамъ, быть вездѣ за одно съ великимъ Моск. княземъ, а великій князь обѣщалъ *уважать его независимость* и возвратить Іоанну многія древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Цны до рѣки Оки.

Въ княженіе Іоанна Өедоровича на Рязань приходилъ Мустафа, царевичъ Золотой орды, желая добычи. Онъ плѣнилъ множество безоружныхъ жителей и ушелъ, получивъ отъ нихъ выкупъ; но скоро опять возвратился къ Переяславлю, прося у жителей дать ему убѣжище.—На-

стала холодная зима, съ небывалыми глубокими снѣгами, съ жестокими морозами и вьюгами. Татары не могли и думать о возвращеніи въ улусы: отъ сильныхъ морозовъ открылся конскій падежъ и сами татары умирали въ полѣ, замерзая подъ вьюгами, и не видя дорогъ, занесенныхъ снѣгомъ, то и дѣло попадали въ рѣчныя проруби. Жители Переяславля не рѣшились отказать царевичу и дозволили татарамъ занять городъ. Но это дозволеніе, данное Мустафѣ жителями безъ согласія Московскаго князя, разсердило Василія Темнаго. Великій кн. послалъ на татаръ воеводу Василія Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева со своею дружиною, къ которой присоединился отрядъ мордвы на лыжахъ. Мустафа, опасаясь и жителей и великокняжескаго войска, вышелъ изъ города (впрочемъ, по настоянію жителей и кое какъ укрѣпившись на берегу Листани, верстахъ въ 10 отъ города, приготовился къ отчаянной оборонѣ. Нападеніе было произведено съ двухъ сторонъ: съ одной наступала московская конница и пѣхота, вооруженная ослонами или палицами, топорами и рогатинами; съ другой Мордва и *Рязанскіе казаки*, на лыжахъ, съ сулицами, копьями и саблями.[20]) Цѣпенѣя отъ холода, лишенные возможности бросать свои мѣткія стрѣлы, они защищались рукопашнымъ боемъ, рѣзались крѣпко и не сдавались въ плѣнъ; наконецъ, подавленные числомъ, татары большею частью были перебиты и самъ Мустафа палъ въ сѣчѣ со многими мурзами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ татары снова воевали Рязанскую область, но не причинили особеннаго вреда жителямъ и скоро отступили.

Не задолго до кончины Іоаннъ Ѳедоровичъ принялъ монашеское постриженіе и составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ в. князю Московскому довѣрялъ главный надзоръ за своимъ сыномъ—Василіемъ.

Основываясь на этомъ завѣщаніи князя, Василій Васильевичъ Темный, какъ только умеръ Рязанскій князь, немедленно переселилъ восьми-лѣтняго Василія въ Москву, а въ Рязань послалъ своихъ намѣстниковъ. Василій оставался подъ опекой Московскаго князя до самой кончины

Василія Темнаго, и только въ 1464 г., по достиженіи княземъ 16 лѣтняго возраста, князь великій Иванъ Васильевичъ отпустилъ его на княженіе въ Рязань, выдавъ при этомъ за него любимую свою сестру Анну.

Въ 1483 г. по смерти Василія Іоан. Рязанскаго, княжество дѣлится между его сыновьями. Старшій Іоаннъ, съ титуломъ великаго князя получилъ Переяславъ, Ростиславъ и Пронскъ, а младшему Ѳедору были отданы Перевитскъ и Ст. Рязань.—Оба города были отказаны Ѳедоромъ Московскому государю, что видно изъ завѣщанія, оставленнаго Іоанномъ III, гдѣ говорится, что ст. Рязань и Перевитскъ (въ 1553 г.) составляютъ уже достояніе московскаго княжества, какъ отказанные Іоанну умершимъ его племянникомъ, Ѳеодоромъ, сыномъ великія княгини Анны.

Послѣднимъ Рязанскимъ княземъ былъ Іоаннъ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Васильевича, умершаго въ 1500 г.

Мать малолѣтняго Іоанна, Агрипина, нѣсколько лѣтъ управляла княжествомъ отъ имени князя. Во все время правленія Агриппины, Василій, кн. Московскій, не тревожился положеніемъ дѣлъ въ Рязанскомъ княжествѣ, такъ какъ Агриппина въ точности исполняла всѣ приказанія великаго князя. Но отношенія къ Рязани измѣнились со стороны великаго князя, какъ только Іоаннъ достигъ совершеннолѣтія.—Вѣроятно, по внушенію рязанскихъ бояръ, которые тяготились зависимостью отъ Василія, Іоаннъ, достигнувъ совершеннолѣтія, не только свергнулъ съ себя опеку матери, но и пожелалъ властвовать независимо, о чемъ и написалъ Василію, и въ тоже время вступилъ въ переговоры съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, прибѣгая подъ его защиту и обѣщая жениться на его дочери.—Василію донесли о сношеніяхъ Іоанна съ Гиреемъ и онъ потребовалъ, что бы Іоаннъ немедленно переѣхалъ въ Москву. Іоаннъ колебался, но былъ обманутъ бояриномъ Симеономъ Курбинымъ, который давалъ ему надежду, что князь московскій отнесется къ его поведенію благосклонно. Іоаннъ Іоанновичъ, не подозрѣвая въ своемъ приближенномъ бояринѣ измѣны, прибылъ въ Москву. Великій князь осыпалъ его упреками за измѣну своему

законному государю, за дружбу со злодѣями Россіи и отдалъ подъ стражу. Затѣмъ взялъ подъ свою руку *всю Рязань*, вдовствующую княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь, а на Рязанскіе города были отправлены Московскіе намѣстники. Главный постъ, т. е. Переяславль Рязанскій, былъ порученъ знаменитому Ивану Васильевичу Хабару, который до того времени держалъ намѣстничество въ Перевитскѣ и слѣдовательно былъ уже хорошо знакомъ съ Рязанскимъ краемъ и его населеніемъ.—Когда Махметъ-Гирей узналъ о судьбѣ Іоанна, то собралъ сильное войско и пошелъ къ Москвѣ, что бы наказать Василія. Говорятъ, что походъ Махмета произвелъ смятеніе въ Москвѣ, чѣмъ и воспользовался Іоаннъ, которому удалось освободиться изъ подъ стражи и бѣжать въ Литву (а по другимъ сказаніямъ онъ бѣжалъ въ Рязань и былъ убитъ въ Бронницахъ однимъ татариномъ, который не узналъ Іоанна.)

Съ присоединенія княжества Рязанскаго къ Москвѣ, т. е. съ 1520 года, оно теряетъ свою особенность и судьба его съ этого времени сливается нераздѣльно и навсегда съ судьбою Московскаго княжества.

Изъ приведеннаго очерка мы должны прійти къ заключенію, что и во 2-мъ періодѣ исторіи нашего княжества историческія условія неблагопріятно слагались для его политической жизни. Политическая независимость княжества постоянно разрушалась то вслѣдствіе внѣшнихъ случайностей (нашествіе и набѣги татаръ), то вслѣдствіе ясно намѣченной политики потомковъ Калиты, уничтожавшихъ раздробленіе земли, стягивавшихъ всѣ княжества, какъ части къ цѣлому, къ Москвѣ.

При такой политикѣ, которой, сочувствовало высшее духовенство (см. разск. о посредничество Св. Сергія, стран. 15 и 16) и народная масса, стремившаяся изъ разныхъ княжествъ переселиться подъ державу Московскихъ князей,—Рязанскіе князья, потомки Глѣба, не могли выйти первенствующими и обезпечить самостоятельность княжества. Это раздвоеніе могло вредно отозваться на политической жизни всего государства, помѣшавъ его цѣлости.

Временный успѣхъ борьбы Рязанскаго князя Олега, съ Москвой въ XIV в., зависѣлъ только отъ личности князя и тѣхъ временныхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ Московскій князь, стремясь освободиться отъ татаръ. Но на трудность и случайность этого успѣха въ борьбѣ съ Москвой указываетъ двуличная политика и коварство Олега (см. примѣч. 15.)

Присоединеніе Мурома къ Суздальскому или Владимірскому княжеству, а впослѣдствіи къ Московскому, ясно указываетъ, что политичекая связь между нѣкоторыми частями Рязанскаго княжества была случайная при самомъ первомъ возникновеніи этого княжества. Но главная причина, окончательно способствовавшая паденію княжества— это междоусобія Рязанскихъ князей за свои - же волости, поколебавшія цѣлость княжества въ 1-мъ періодѣ (см. выше ист. 1-го періода), и *личная неспособность* управлять княжествомъ самостоятельно *князей*, слѣдовавшихъ за знаменитымъ Олегомъ, а также войны съ западными сосѣдями, подорвавшими могущество княжества еще при Олегѣ.

Дополнительныя примѣчанія.

1) Имя города *Рязани* встрѣчается въ лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1096 годомъ. Несторъ, описывая неудачи, постигшія *Олега Святославича* въ войнѣ съ братьями, говоритъ, что когда жители Смоленска не приняли *Олега*, то онъ «иде къ Рязаню». Надо думать, что построеніе самаго города совершилось или въ началѣ или въ половинѣ XI вѣка. (Это была именно *Старая Рязань*). Въ теченіи XII и XIII вѣковъ *Рязань* была мѣстопребываніемъ князей. Со времени татарскаго нашествія почти не упоминается въ лѣтописяхъ имя *Рязани* и столица княжества переходитъ (всего вѣроятнѣе при Олегѣ Іоанновичѣ), съ береговъ Оки на Трубежъ, *въ г. Переяславль*. Имя *Старая Рязань* упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ къ концу XIV вѣка

Происхожденіе самаго слова *Рязань* до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено. Правописаніе этого слова установилось не скоро; въ источникахъ оно читается *Рязань*, *Резань* и даже *Рѣзань*. Родъ этого слова также опредѣлился не вдругъ; въ первый разъ оно встрѣчается въ мужескомъ родѣ: «*и иде къ Рязаню*». Нѣкоторые думаютъ, что столица Рязанскаго княжества, отъ которой позаимствовала имя и вся область, названа такъ за буйный характеръ своихъ жителей и за ихъ воинственныя наклонности. По мнѣнію другихъ слово *Рязань* происходитъ отъ слово *ряса*, которое означаетъ топкое, нѣсколько болотистое мѣсто, обыкновенно заросшее мелкимъ сухимъ лѣсомъ или кустарникомъ. Въ связи съ этимъ корнемъ находятся имена нѣсколькихъ *Рясъ*, (рѣки въ южной части Рязанской губ.) и города *Ряжска*. (Ист. Ряз. Кн. *Иловайскаго*, стр. 13).

2) Въ XI вѣкѣ *Муромъ* и *Рязань*, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, составляли часть *Черниговскаго наслѣдства* и по смерти *Ярослава I-го* перешли въ родъ *Святослава Ярославича*. При раздѣленіи земель между дѣтьми Святослава Ярославича, *Муромо-рязанскія земли* достались *Олегу и Ярославу* Святославичамъ. Властолюбивый и безпокойный *Олегъ* велъ безпрестанныя войны съ братьями. Счастье покровительствовало ему: одно время *Олегъ* вла-

дѣлъ *Черниговомъ*, *Муромомъ*, *Ростовымъ и Суздалемъ* и домогался еще Кіевскаго престола, но побѣжденный своими двоюродными братьями, *Мономахомъ и Святополкомъ*, потерялъ даже Муромъ и преслѣдуемый неудачами, обратился на востокъ и пошелъ къ Рязани. Это было въ 1096 году, т. е. за годъ до Любецкаго сейма.—Въ скоромъ времени дѣла *Олега* поправляются: онъ возвращаетъ себѣ *Муромъ* и снова захватываетъ въ свои руки *Суздаль и Ростовъ*.

Незадолго передъ симъ изъ *Мурома* жители прогнали посадниковъ, поставленныхъ *Олегомъ*, и на престолъ призвали Мономаховича — *Изяслава Владиміровича*. Въ битвѣ подъ стѣнами *Мурома*, 6 сентября 1096 года, онъ былъ убитъ и похороненъ въ монастырѣ Св. Спаса, который уже существовалъ въ XI в. Впослѣдствіи тѣло Изяслава перенесли въ Новгородъ.

Мстителемъ за смерть Изяслава является его родной братъ (ст. б. также Мономаховичъ), *Мстиславъ Храбрый*, княжившій въ то время въ Новгородѣ. Въ томъ же году произошла кровопролитная битва *на р. Колакшѣ* несчастная для Олега. Въ слѣдующемъ году былъ созванъ Любецкій сеймъ, который и положилъ конецъ междоусобицамъ за Черниговское наслѣдство. Олегъ получилъ отцовскій престолъ *въ Черниговѣ* и навсегда оставилъ *Муромо-Рязанскую область*, которая съ этого времени навсегда утверждается за братомъ Олега— *Ярославомъ Святославичемъ* и его потомками.

3) Построеніе *Переяславля* объясняется исторіею неудовлетворительно: въ одномъ мѣстѣ лѣтописей основаніе его отнесено къ 1095 году и основателемъ почитается *Ярославъ Святославичъ*. По его имени была названа и крѣпость *Ярославлемъ*, при чемъ въ лѣтописи упоминается, что заложенъ городъ *около церкви Николы Стараго*. Въ другомъ-же мѣстѣ находится указаніе, что онъ выстроенъ въ лѣто 6716 (1198 г.) *при в. кн. Романѣ Игоревичѣ*, внукѣ Глѣбовѣ, *въ епископство Арсенія*, и что заложенъ городъ *у озера Карасева*, *съ молитвословіемъ и освященіемъ воды*. Вѣроятно, первыя укрѣпленія города были выстроены въ 1096 г., а расширеніе этихъ укрѣпленій и новыя постройки относятся къ 1198 г., т. е. спустя столѣтіе, когда городъ въ прежнихъ размѣрахъ, и особенно его укрѣпленія, могли не удовлетворять новымъ нуждамъ страны. (*Ист. Ил.*)

Въ XIII в. *Переяславъ* былъ незначительнымъ поселеніемъ; но въ 1294 г. совершилось событіе, весьма важное въ исторіи церкви, и которое имѣло окончательное вліяніе на его возвышеніе. Въ этомъ году *Епископъ Муромскій Василій*, гонимый жителями, оставилъ городъ и чудеснымъ образомъ, на мантіи, приплылъ противъ теченія Оки, сперва въ *Рязань*, а нѣсколько времени спустя въ *Переяславль*, *гдѣ* окончательно *утвердилъ каѳедру епископовъ Рязанскихъ и Муромскихъ*.

Что касается города *Пронска*, то настоящій годъ его построенія въ исторіи утраченъ. Въ концѣ XII в. (1179 г.) въ лѣтописяхъ упоминаются уже Пронскія князья, которые долгое время враждуютъ

со своими старшими братьями, князьями Рязанскими. Одно время, во время господства татаръ, Пронскіе князья подчинили себѣ даже *Переяславль — Рязанскій*, но со времени *Олега Іоанновича — Пронскъ* утратилъ совершенно свою самостоятельность и теряетъ значеніе столицы удѣльнаго княжества. Въ настоящее время *Пронскъ* ничѣмъ не напоминаетъ своего стараго величія, хотя въ немъ и сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ археологическихъ древностей, именно: древніе лубочные вѣнцы, которые хранятся въ соборѣ; образъ, снятый съ башни Пронскаго Кремля, (хранится въ пронской думѣ); *желѣзная дуга* или *било* близъ церкви Воскресенія, выстроенной въ горахъ и бывшей нѣкогда скитомъ. *Било* въ древнія времена замѣняло колоколъ. Наконецъ недалеко отъ церкви находится много могильныхъ камней съ очень древними надписами. (*Мат. Баран.*)

4) *Ярославъ* умеръ въ 1127 г.

5) Около этого же времени, между Волгою и Клязьмою усиливается *Суздальское княжество*. Въ географическомъ отношеніи оно помѣщалось значительно выгоднѣе *Рязанскаго*, такъ какъ было далеко отъ кочевниковъ, да кромѣ того имѣло прямыя дороги на *Новгородъ, Черниговъ и Кіевъ*. Всѣ выгоды торговли съ указанными городами принадлежали *Суздальской области*; а между тѣмъ *Рязанское княжество* было отрѣзано отъ *Кіева* Половцами, отъ *Новгорода* Суздальскими землями, и могло свободно торговать только съ Камскими Болгарами, да и то въ мирное время. Хищные степные кочевники то и дѣло нападали на Рязанское княжество въ XI и XII в. и не мало замучивали народа и уводили въ плѣнъ. Кромѣ счастливаго географическаго положенія, княжество Суздальское въ XI и XIII вѣкѣ имѣло замѣчательныхъ по уму и волѣ великихъ князей, которые по своимъ способностямъ значительно превосходили Муромо-Рязанскихъ князей. Возрастаніе и усиленіе Суздальскаго княжества не могло не вызвать у князей Рязанскихъ соревнованія и опасенія за самостоятельность своего княжества и должно было повести эти два княжества къ столкновеніямъ и спорамъ за первенство. Именно такое столкновеніе и происходитъ въ первый разъ между Рязанскимъ и Суздальскимъ княжествомъ въ княженія *Юрія Долгорукаго* въ Суздалѣ и *Ростислава Ярославича* въ Рязани.

Дѣло происходило такъ: извѣстно, что по смерти Кіевскаго князя *Мстислава I*, *Юрій Долгорукій* сталъ искать кіевскаго престола на правахъ дяди; но сынъ Мстислава, *Изяславъ II*, не хотѣлъ уступить своихъ правъ дядѣ; тогда между дядею и племянникомъ завязалась упорная борьба. Въ этой-то борьбѣ и принялъ участіе *Ростиславъ*. Когда *Долгорукій* двинулся на югъ, именно на *Новгородъ Сѣверскъ*, то *Изяславъ* прислалъ въ Рязань гонца и просилъ *Ростислава* немедленно напасть на Суздальскую землю. *Ростиславъ* поспѣшилъ исполнить его желаніе. Теперь *Долгорукій* получивъ извѣстіе о появленіи Рязанцевъ въ Суздальской области, рѣшилъ измѣнить планъ похода и отъ *Козельска* поворотилъ назадъ. Рязанскій

№ 2484-II

князь дорого поплатился за свое смѣлое нападеніе: борьба съ Суздальцами пришлась ему не по силамъ. Онъ не только долженъ былъ спасаться отступленіемъ, но не могъ держаться въ самой Рязани противъ *Юрьевичей*, особливо *Андрея*, и принужденъ былъ бѣжать къ сосѣднему Половецкому хану *Ельтуку*.

А такъ какъ около этого времени, по смерти *Святослава* Муромскаго, *Ростиславъ* отнялъ у его сына *Владиміра* отцовскій престолъ и началъ самъ княжить въ Муромѣ, то *Юрій* воспользовался пораженіемъ и бѣгствомъ Рязанскаго князя къ Половцамъ и посадилъ на Муромскій престолъ *Владиміра Святославича*. Съ этого времени главною столицею Рязанскаго княжества становится *Рязань*, а *Муромъ* рѣже и рѣже упоминается въ исторіи. (*Ист. Кар.*)

6) Поводъ къ нападеніямъ Всеволода на Рязанскую землю подалъ самъ Глѣбъ.

29 іюня 1174 года погибъ *Андрей* подъ ударами заговорщиковъ. Скоро въ Рязань прибыли послы изъ Суздальскаго княжества и просили Глѣба уговорить *Мстислава и Ярополка Ростиславичей* пріѣхать изъ Чернигова и занять Суздальскій престолъ. Это были шурья Глѣба. Выслушавъ пословъ, Глѣбъ понялъ, что если онъ дастъ изъ своихъ рукъ князей въ Суздальскую область, то этимъ самымъ получитъ перевѣсъ и поставитъ будущихъ суздальскихъ князей въ зависимость отъ себя и своихъ преемниковъ. Но когда *Ростиславичи* прибыли въ Суздальскую область, то на вѣчахъ не нашли единодушія и принуждены были уступить престолъ дядѣ *Михаилу Юрьевичу*, вмѣстѣ съ которымъ прибылъ и его братъ *Всеволодъ Юрьевичъ*. Между *Ростиславичами и Юрьевичами* открылась борьба. Михаилъ, стѣсненный Глѣбомъ, бѣжалъ изъ Владиміра, при чемъ рязанскія дружины ограбили Владимірскій соборъ и захватили много золота, серебра, оружій и рукописей; похищенъ былъ также мечъ Андрея Боголюбскаго, котораго онъ не нашелъ въ часъ своей гибели; а изъ собора былъ вынесенъ знаменитый образъ Богоматери.—Глѣбъ торжествовалъ: онъ посадилъ на престолъ Суздальскій своего шурина, а стало быть могъ смѣло расчитывать на свое вліяніе на дѣла Суздальскаго княжества. Однако, спустя два года, положеніе Глѣба измѣнилось. Поддержанный братомъ Всеволодомъ и Черниговскими князьями, Михаилъ вытѣснилъ изъ Суздальской области Ростиславичей и снова занялъ великокняжескій престолъ.—Но скоро Михаилъ умеръ и Глѣбъ вторично дѣлаетъ попытку помѣшать Всеволоду Юрьевичу сѣсть на Владимірскій престолъ и помочь сдѣлаться великимъ княземъ Ростиславичу. — За это вмѣшательство онъ и былъ наказанъ Всеволодомъ, который разбилъ Рязанскаго князя на голову на р. Колакшѣ и захватилъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ его сыномъ Романомъ.

Совершилась эта побѣда 20 февраля 1177 года, въ первыя недѣли великаго поста. Суздальскій князь возвратился во Владиміръ съ честью и славой. Жители вышли на встрѣчу Всеволоду и привѣтствовали его какъ побѣдителя. Вступленіе князя въ столицу было тріумфальное:

впереди Суздальскаго полка шли Олегъ и Владиміръ Святославичи— каждый со своимъ полкомъ, за ними слѣдовали плѣнники — князья: Глѣбъ Рязанскій съ сыномъ Романомъ и шуриномъ Мстиславомъ. За плѣнными ѣхалъ на конѣ Всеволодъ Юрьевичъ, рядомъ со внукомъ Владиміромъ Глѣбовичемъ, который велъ полкъ Переяславскій. Побѣдители направились прямо къ церкви Пресвятыя Богородицы и здѣсь, принеся всенародно молитвенное благодареніе за одержанную побѣду, съ весельемъ разошлись по домамъ.

Князь Глѣбъ и прочіе плѣнники были отданы подъ стражу, но каждому изъ нихъ князь положилъ содержаніе, приличное его состоянію. Такое распоряженіе вызвало ропотъ Владимірцевъ: они стали упрекать его въ томъ, что онъ оказываетъ много чести плѣнникамъ и содержитъ ихъ какъ гостей. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ, опасаясь какъ бы народный ропотъ не перешелъ въ открытую месть и въ насиліе надъ плѣнниками, увеличилъ въ числѣ стражу, оградивъ такимъ образомъ заключенныхъ отъ народной ярости. Два дня Владимірцы праздновали побѣду, предавались только шумному веселью, но на третій день княжескій дворецъ обступили смерды и стали требовать, чтобы князь выдалъ имъ плѣнниковъ. «Государь, кричала чернь, бушуя на княжескомъ дворѣ: мы рады положить за тебя свои головы, но казни злодѣевъ, или ослѣпи или выдай намъ на руки». Всеволодъ Юрьевичъ не разогналъ чернь, не прибѣгнулъ къ насильственному подавленію ея ярости, но успокоилъ бушевавшую чернь ложнымъ обѣщаніемъ, что онъ немедленно самъ ослѣпитъ Глѣба и Мстислава. Затѣмъ онъ приказалъ обрѣзать у нихъ верхнія части рѣсницъ, обмазать глаза свѣжей кровью и въ такомъ видѣ выпустить ихъ изъ тюрьмы; этотъ обманъ удался вполнѣ. Оба князя Глѣбъ и Мстиславъ, выйдя изъ тюрьмы, плакали передъ народомъ, какъ будто дѣйствительно ослѣпленные и жаловались на постигшее ихъ несчастіе. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, князь Мстиславъ Ростиславичъ послалъ изъ Смоленска къ Кіевскому князю Святославу, чтобы онъ старался передъ Всеволодомъ Суздальскимъ объ освобожденіи Рязанскихъ князей, а также и Ростиславичей, Юрьевыхъ внуковъ. Съ такой же просьбой прибыли въ Кіевъ и послы отъ Рязанской княгини, супруги Глѣба. Святославъ Кіевскій внялъ этимъ просьбамъ и отправилъ въ посольство ко Всеволоду Юрьевичу епископа Черниговскаго Порфирія и игумена монастыря Богородицы Ефрема *). Просьба Святослава Всеволодовича была въ точности уважена великимъ Суздальскимъ княземъ. Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи и Романъ были немедленно выпущены изъ плѣна. Оба Ростиславичи отпущены были въ Смоленскъ, а отъ Романа великій князь потребовалъ клятвы, что онъ не будетъ выходить изъ его повиновенія и только получивъ такую

*) Рязанское княжество въ повѣствуемую эпоху входило въ церковномъ отношеніи въ вѣдѣніе Черниговской епархіи. Перваго Рязанскаго епископа мы встрѣчаемъ только въ 1198 году—именно бывшаго игумена Арсенія.

клятву, великій князь отпустилъ его въ Рязань, вмѣстѣ съ его приближенными боярами. Наконецъ князю Глѣбу Всеволодъ Юрьевичъ велѣлъ объявить, что онъ освобождаетъ также и его изъ плѣна, но подъ условіемъ присоединить къ Владимірскому княжеству Коломну вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями. Въ замѣнъ этого онъ обѣщалъ князю другіе города Глѣбъ на такія условія не соглашался и отвѣчалъ, что онъ лучше вѣкъ останется въ плѣну, нежели согласится на такой постыдный миръ. И дѣйствительно, онъ не выходилъ изъ подъ стражи до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1179 году іюля 31 дня *).

«Ситце отмщеніе сотвори Господь-Богъ», разсуждаетъ лѣтописецъ, говоря о побѣдѣ Всеволода надъ Глѣбомъ,—«аще бо и простымъ не попущаетъ Господь Богъ и Пречистая Его Мати Богородица въ обидѣніи быти, много паче священнымъ и божественнымъ своимъ не попущаетъ въ обидѣніи быти».

Такое отношеніе къ Глѣбу лѣтописца объясняется нелюбовью къ нему вліятельныхъ людей, особенно бояръ. Суздальцы считали Глѣба способнымъ на всякое злодѣйство и обвиняли его, какъ участника даже, въ убійствѣ Андрея. Но такое обвиненіе не подтвердилось историческими фактами; вѣрнѣе предположить, что нелюбовь суздальскихъ бояръ Глѣбъ заслужилъ за свой упрямый характеръ и за неудачную помощь шурьямъ, которыхъ возвелъ на Суздальскій престолъ. А что ненависть у Владимірцевъ къ Глѣбу была велика, это можно видѣть изъ разсказа лѣтописца приведеннаго уже выше, который говоритъ, что ни Глѣбъ, ни его шуринъ Мстиславъ, сначала не были заключены въ темницу, а оставались только подъ стражей и имъ опредѣлено было содержаніе изъ княжескаго двора. Когда же жители подняли мятежъ, Всеволодъ тогда только и приказалъ посадить плѣнниковъ въ порубь, очевидно не изъ мести, а ограждая ихъ жизнь отъ народной ярости.

7) Походъ Всеволода Юрьевича на Рязань въ 1208 году былъ по слѣдующему поводу:

Въ 1207-мъ году Всеволодъ Юрьевичъ отправился въ походъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго и по обыкновенію послалъ звать къ себѣ князей Рязанскихъ. Въ Москвѣ Всеволодъ соединился со своимъ сыномъ Константиномъ, который привелъ къ нему на помощь Новгородскую дружину. Отсюда они отправились къ устью Оки, гдѣ должны были соединиться съ Рязанскими полками. Во время пути къ великому князю пришло извѣстіе, что Глѣбовичи замышляютъ измѣну. Когда полки Всеволода разбили шатры по отлогому берегу Оки, на другой сторонѣ уже дожидались Рязанскіе отряды подъ начальствомъ восьми князей, въ числѣ которыхъ былъ и Романъ. Затѣмъ князья

---

*) Ипат. 120.

(числомъ шестеро) были по повелѣнію князя схвачены и отвезены во Владиміръ, но Романъ остался на свободѣ. Плѣнивъ князей, Всеволодъ осадилъ Пронскъ.—Около трехъ недѣль граждане отстаивали свой городъ, бились храбро, по ночамъ выходили изъ города и крали воду, у которой стояли на стражѣ караульщики Всеволода.—Но послѣ трехъ недѣль жители стали изнемогать отъ жажды и 18 октября, въ день Св. Ап. и Ев. Луки отворили ворота.—Отъ Пронска великій князь направился прямо на Рязань; здѣсь возлѣ села *Добрый Сотъ* его встрѣтили Рязанскіе послы и стали упрашивать, чтобы онъ не ходилъ къ ихъ городу. Епископъ *Арсеній* (первый по времени Муромо-Рязанскій епископъ; онъ былъ поставленъ въ 1189) нѣсколько разъ посылалъ сказать Всеволоду: «Господинъ, великій князь, ты христіанинъ; не проливай же крови христіанской, не опустошай честныхъ мѣстъ, не жги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить всю твою волю". Всеволодъ согласился даровать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы они выдали ему остальныхъ князей. Затѣмъ онъ повернулъ къ Окѣ и переправился чрезъ нее подъ Коломной.

Слѣдомъ за нимъ спѣшилъ епископъ Рязанскій. Сильный дождь, сопровождаемый бурею, взломалъ ледъ на Окѣ. Не смотря на опасность, Арсеній въ лодкѣ переѣхалъ Оку и догналъ Всеволода и отъ имени всѣхъ Рязанцевъ просилъ великаго князя объ освобожденіи изъ плѣна князей и окончательномъ примиреніи. Князь приказалъ епископу слѣдовать за собою во Владиміръ, но просьбы его не уважилъ.—Рязанцы собрались и рѣшили на время покориться необходимости, т. е. взяли остальныхъ князей съ княгинями и отослали во Владиміръ. Въ слѣдующемъ (1208) году Всеволодъ отправилъ въ Рязань сына своего Ярослава, отпустивъ съ нимъ епископа Арсенія. Это была явная попытка великаго князя пріобрѣсти вліяніе на дѣла Рязанскаго княжества тѣмъ болѣе, что и по другимъ городамъ онъ началъ сажать своихъ посадниковъ. Но Рязанцы не пожелали подчиниться чужеродному князю, а можетъ быть, что и сами дружинники великаго князя подали къ этому поводъ. Они, вѣроятно, позволили себѣ слишкомъ многое въ покоренныхъ городахъ и притѣсненіями вывели жителей изъ терпѣнія. Какъ бы то ни было, но во всѣхъ городахъ, гдѣ были посадники изъ Владиміра, вспыхнула смута: многіе изъ Владимірцевъ были заключены въ оковы, а иные засыпаны въ погребахъ или повѣшены. Слѣдствіемъ такого единодушнаго возмущенія въ городахъ Рязанской области и былъ походъ Всеволода на Рязань и ея сожженіе. Съ этого времени до конца княженія Всеволода Рязанскіе города управлялись посадниками и тіунами, которыхъ назначалъ и посылалъ по городамъ Всеволодъ III.

Въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ находится большое разнорѣчіе. Въ Лаврентіевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ III, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ Рязанскихъ князей;

а у Переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскѣ Давида, Муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ. Изяславъ Владиміровичи и князь Михаилъ Всеволодовичъ Рязанскіе приходили къ Пронску на Давида, говоря: «Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?» Давидъ послалъ имъ сказать: «Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ, посадилъ меня Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость». Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. (375 г. T. IV. Сол.).

8) Село *Исады* находится въ 4 верстахъ отъ *Старой Рязани.*— Еще и въ настоящее время на пути изъ Старой Рязани въ Исады замѣтны въ одномъ мѣстѣ нѣсколько пней, остатки весьма древнихъ деревьевъ. По народному преданію это были именно густые вязы, подъ тѣнью которыхъ былъ раскинутъ княжескій шатеръ и здѣсь-то князья, Глѣбъ и Константинъ, умертвили своихъ, не только двоюродныхъ братьевъ, но и роднаго (Изяслава Владиміровича, мужественнаго защитника Пронска). —Въ благодарность за избавленіе отъ смерти Ингварь Ингваревичъ построилъ *Лъговъ монастъгръ*, *или Олъговъ*, который существуетъ до сихъ поръ въ 12 верстахъ отъ губернскаго города.—Основавъ монастырь, Ингварь Ингваревичъ построилъ здѣсь и храмъ во имя Богородицы. При заложеніи храма съ князьями находились 300 бояръ и 608 простыхъ дружинниковъ. Князья отдали въ монастырское владѣніе 9 бортныхъ участковъ и 5 погостовъ со всѣми угодьями.

Исады для археолога интересны по преданію, что въ стѣнахъ древняго храма этого селенія положены кожаныя монеты, бывшія въ то время въ ходу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на эти деньги возобновить зданіе, когда оно придетъ въ ветхость.

Наконецъ, *Исады* въ исторіи замѣчательны еще тѣмъ, что въ этомъ селѣ изстари жилъ родъ *Ляпуновыхъ*, къ которому принадлежалъ и знаменитый *Прокопій*.

9) По словамъ лѣтописца, Батый, убивъ князя Θедора за то, что онъ не захотѣлъ исполнить его желанія и показать ему княгиню Евпраксію, свою супругу, о красотѣ которой дошли слухи до хана,— онъ приказалъ выбросить прахъ Θедора на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ. Много было побито и другихъ князей вмѣстѣ съ Θедоромъ въ станѣ Батыя. И вотъ преданный Θедору слуга, именемъ Аполоница, обливая слезами честный прахъ своего государя и не видя караульщиковъ, рѣшается похитить тѣло Θедора и доставить его княгинѣ Евпраксіи. — Но благочестивая княгиня, получивъ извѣстіе о смерти любимаго супруга, мгновенно бросилась вмѣстѣ съ сыномъ своимъ младенцемъ Іоанномъ съ высокаго терема на землю и убилась (*заразиласъ*) до смерти. Это мѣсто было названо — *зараза*, убійство. А такъ какъ въ это время въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и княжескій теремъ, (недалеко отъ церкви Николы Корсунскаго), уже строился городъ, то онъ и получилъ названіе *Заразска*. То имя,

которое носитъ городъ въ настоящее время (*Зарайска*), онъ получилъ только въ XVII вѣкѣ.

10) По убіеніи въ ордѣ Ѳеодора Юрьевича князь Юрій выступилъ съ братіею противъ татаръ и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое съ тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: «Братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе Рязанское! Мужайтесь и крѣпитесь»! Удальцы и рѣзвецы Рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала, наконецъ сильные полки татарскіе одолѣли: князья были всѣ перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ: бранью отвѣчалъ онъ на убѣжденія Батыя отатариться, и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята; вся земля Рязанская опустошена. Тогда является вельможа Рязанскій Евпатій Коловратъ, бывшій все это время въ Черниговѣ, *гдѣ бралъ дань на великаго князя Рязанскаго.* Евпатій собралъ 1700 человѣкъ дружины и нечаянно ударилъ на татаръ которыхъ началъ сѣчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: какой вы вѣры, изъ какой земли? Зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали»? Плѣнники отвѣчали: «Мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чапъ наливать на великую силу татарскую». Батый подивился отвѣту ихъ мудрому и послалъ шурина своего Таврула на Евпатія съ полками сильными. Тавpулъ похвалился, что приведетъ Евпатія живаго, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ по поламъ Евпатіемъ. Тогда татары навели на этого сильнаго исполина множество саней съ нарядомъ и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Евпатія принесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: «Ну, братъ Евпатій! гораздо ты меня потчивалъ, а малою дружиною многихъ богатырей побилъ; если бы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я противъ своего сердца».

11) Романъ былъ замученъ въ Ордѣ 19 іюля, по выраженію лѣтописцевъ—за то, что хвалилъ христіанскую вѣру и хулилъ вѣру бесерманскую. Во время мукъ татары отсѣкли ему языкъ, забили «убрусомъ» уста, разсѣкли его по суставамъ, отрѣзали пальцы на рукахъ и ногахъ, уста, уши, разрѣзали и другіе суставы и когда остался одинъ трупъ, они сняли кожу съ его черепа и повѣсили на копьѣ.

12) Послѣ татарскаго нашествія прежнее значеніе Суздальскаго княжества падаетъ.—Первенство и значеніе великокняжескаго города начинаетъ пріобрѣтать Москва, построенная Юріемъ Долгорукимъ въ XII в. Умный и дѣятельный Даніилъ Александровичъ продолжаетъ политику Суздальскихъ князей по отношенію къ сосѣднему княжеству. Прежніе Суздальскіе князья постоянно стремились отрѣзать этотъ городъ отъ Рязанской области; Московскіе имѣли еще болѣе причинъ желать Коломны: она запирала устье Москвы и была необходима для

округленія ихъ волости. Осенью, 1301 г., Даніилъ пришелъ съ войскомъ въ Рязанскіе предѣлы. Константинъ Ярославичъ, имѣя вспомогательныя татарскія отряды, далъ ему битву возлѣ Переяслава-Рязанскаго, проигралъ ее и былъ взятъ въ плѣнъ. Лѣтопись говоритъ при этомъ объ измѣнѣ нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ. Очевидно, въ началѣ XIV в. Московскіе князья уже имѣли своихъ пособниковъ при княжескомъ дворѣ въ Рязани. Вѣроятно, эти пособники и помогли Даніилу захватить въ плѣнъ Константина. Послѣдній былъ отведенъ въ Москву, но содержался здѣсь въ чести все время, пока былъ живъ Даніилъ, который хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его. Но въ 1303 году Московскій князь скончался и наслѣдникъ его Георгій, спустя два года велѣлъ умертвить плѣнника. Коломна осталась въ рукахъ Московскаго князя.

13) По словамъ лѣтописей, *черная смерть* началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, достигла Греціи, Сиріи и Египта. Генуэзскіе корабли привезли эту болѣзнь въ Италію, во Францію, въ Англію, въ Германію, гдѣ цѣлые города отъ нея опустѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50 тысячъ человѣкъ. Въ Парижѣ простой народъ требовалъ казни всѣхъ евреевъ, полагая что они сыплятъ какой-то ядъ въ колодези и такимъ образомъ способствуютъ распространенію язвы. Въ 1349 г. началась язва и въ Скандинавіи, оттуда или изъ нѣмецкой земли, перешла она въ Псковъ и Новгородъ: въ первомъ язва открылась весною 1352 г. и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась страданіемъ железъ въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровью и на другой или третій день умиралъ. Каждый священникъ находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ умершихъ таится ядъ болѣзни, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата; но и въ это время нашлись великодушные люди, которые носили въ церковь не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ, служили панихиды и не боялись молиться и оставаться среди гробовъ. Были и такіе, которые спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ думали, что всѣмъ умереть должно отъ черной смерти.

До 1364 г. если язва и посѣтила Рязанскую землю, то дѣйствовала слабо, такъ какъ имя Рязани въ это время не упоминается лѣтописцами въ числѣ опустошенныхъ городовъ; напротивъ, князь Вс. Алекс. Холмскій отослалъ свою княгиню въ Рязань для предохраненія *отъ черной смерти.* Но въ 1364 г. моровая язва появилась

снова. Она шла изъ Нижняго-Новгорода на Рязань, Коломну, Москву и т. д. и произвела въ Рязани такое же опустошеніе, картина котораго въ другихъ мѣстахъ изображена выше.

14) Изъ событій до 1370 г. кромѣ черной смерти лѣтописи указываютъ на два татарскихъ набѣга.—Одинъ набѣгъ относится къ 1358 году. Это былъ походъ въ Рязанскую землю татарскаго царевича Магматъ-Хожи, царевичъ посылалъ въ Москву предложеніе установить прочныя границы между Московскимъ и Рязанскими княжествами, но Иванъ II, ссылаясь на ханскія грамоты, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ посла въ Московскія области, которыхъ границы извѣсты и не сомнительны. Получивъ такой отвѣтъ, Махметъ-Хожа сжегъ Рязань и отступилъ въ степи. Въ 1362 году наР язанскія области напалъ другой татарскій владѣтель Тагай. Онъ сжегъ и разорилъ Переяславль. Князья Олегъ Рязанскій, Владиміръ Пронской и Титъ Козель-скійразб или Тагая подъ Шишевскимъ лѣсомъ.

15) Исторія сохранила посланіе Олега на имя хана, въ которомъ Олегъ Рязанскій называетъ себя «присяжникомъ» хана, и выражаетъ увѣренность, которая конечно льстила Мамаю, что Димитрій какъ только услышитъ о гнѣвѣ хана, то укроется въ отдаленныя города, въ Новгородъ или на Двину и тогда богатство Московское должно безпрепятственно перейти въ руки татаръ («все въ твоей руцѣ будетъ»).—«Еще молю тя, хане! понеже мы твои раби; азъ со смиреніемъ служу ти; онъ же съ гордостью и не съ покореніемъ къ тебѣ есть, и многія и великія обиды, азъ твой услужникъ пріяхъ отъ того князя Димитрія».—При этомъ случаѣ Олегъ не забылъ упомянуть, что Димитрій ни во что ставитъ имя хана, «еще-жъ и градъ мой Коломну себѣ заграбилъ».—Сохранилось въ лѣтописяхъ указаніе, что Мамай, приготовившись къ походу на Димитрія, по совѣту Олега пытался склонить князя Московскаго къ покорности, не прибѣгая къ войнѣ. Съ этой цѣлью въ Москву прибыли послы отъ хана и требовали изъявленія покорности передъ ханомъ, какъ это дѣлали русскіе люди въ старину. Дмитрій Іоанновичъ требованія Мамая сообщилъ митрополиту Купріану. Киріанъ отвѣтилъ, что это «Богъ испытываетъ чадъ своихъ. Нечестіе питается корыстолюбіемъ. Преодолѣй гордость; отправь къ Мамаю дары, истощи золото, но не кровь подданныхъ».

По совѣту Кипріана, князь Димитрій Іоанновичъ отправилъ въ орду Захарія Тютчева, съ многочисленными дарами и съ переводчиками знавшими татарскій языкъ. На рубежѣ Рязанской области Тютчевъ увѣдомилъ Московскаго князя, что Олегъ дѣйствуетъ за одно съ Мамаемъ и злоумышляетъ противъ великаго князя.

Пораженный этимъ извѣстіемъ, Димитрій снова прибѣгнулъ за совѣтомъ къ Кипріану. «Князь!—спросилъ этотъ прямодушный пастырь: не обидѣлъ-ли ты Олега Рязанскаго?»—Нѣтъ, отвѣчалъ Димитрій:—я не виноватъ передъ нимъ. Довольствуясь своимъ удѣломъ, я не ищу чужаго.—«Богъ будетъ тебѣ заступникомъ, князь!»—воскликнулъ Ки-

пріанъ.—«Богъ побораетъ по правдѣ. Собирай войско, крѣпись и мужайся!» *).

Между тѣмъ Тютчевъ прибылъ въ станъ непріятельскій По свидѣтельству лѣтописей, Тютчевъ держалъ себя съ достоинствомъ, о дани говорилъ условно, не упоминая о томъ, что Димитрій смягчается и готовъ платить хану дань большую противъ прежнихъ договоровъ. При этомъ онъ выставилъ все достоинство своего государя. Рѣчь Тютчева разгнѣвала Мамая. Не привыкшій, чтобы русскіе послы говорили съ нимъ рѣшительно и смѣло защищая своего государя, Мамая вышелъ изъ себя, бросилъ съ своей ноги башмакъ и сказалъ русскому послу: «Вотъ достойный для тебя подарокъ: поцѣлуй мою ногу. Это та почесть, которую получаютъ всѣ, кого мы желаемъ пожаловать». Тютчевъ не потерялъ мужества и спокойно отвѣтилъ хану, что сильные относятся къ малосильнымъ всегда великодушно.

Мамай смягчился и приказалъ слугамъ принять отъ Тютчева привезенные имъ подарки, но тутъ же приказалъ ихъ раздать своимъ воинамъ, чтобы они купили плетки для своихъ лошадей....

«Знай, князь! — прибавилъ онъ къ своему приказу, всѣ твои сокровища будутъ въ моихъ рукахъ. Земли твои раздѣлю между вѣрными моими слугами, а тебя приставлю пастухомъ къ стаду верблюдовъ».

Угроза Мамая относилась къ Димитрію Іоанновичу. Тютчевъ не вынесъ этой обиды, въ которой Мамай издѣвался надъ именемъ его государя и защищая его честь, съ запальчивостью отвѣтилъ хану: „Какъ, ты это говоришь о русскомъ великомъ князѣ? Нѣтъ, Богъ сдѣлаетъ то, чего самъ пожелаетъ, а не то чего ты хочешь“.

Мурзы совѣтовали хану наказать Русса смертью, но Мамай отвѣтилъ съ благосклоннымъ видомъ: „Ради красоты твоей и благоразумія дарую тебѣ жизнь. Врагъ мой Димитрій еще молодъ, а потому я прощаю его по молодости. Приму его ко двору моему, чтобы онъ учился моимъ обычаямъ, а для Россіи выберу иного князя. Ты же, Захарій, заслужилъ мою милость. Я вижу въ тебѣ человѣка, который долженъ быть въ числѣ первыхъ моихъ служителей. Со временемъ я думаю тебя сдѣлать такимъ же, какъ Димитрій, которому ты служишь“. На это Тютчевъ отвѣчалъ, что послу до окончанія дѣла неприлично вступать въ службу къ другому государю.—„Вѣрность моя къ одному государю послужитъ залогомъ усердія къ другому. Мамай отпустилъ его съ честью и съ грамотой слѣдующаго содержанія:

„Отъ восточнаго царя, отъ большой орды широкихъ полей, отъ сильныхъ татаръ, царь-царей Мамай и великимъ ордамъ государь, коего рука обладаетъ многими царствами и десница на многія царства простирается, ратаю нашему Димитрію Московскому:

---

*) Гражд. Ист. Р. Кн. Воздвиж. стр. 136.

„Да будетъ тебѣ вѣдомо, что ты улусами нашими владѣешь, но на поклонъ ко мнѣ не приходишь. И вотъ я хочу казнить тебя, но ты прійди ко мнѣ поклониться и я опять отпущу тебя на твое царство и прощу тебя. Но если не исполнишь моей воли и не придешь ко мнѣ, то я прійду и разорю, и сожгу города твои и самого тебя отдамъ на великія муки“.

Тютчевъ зналъ содержаніе этой грамоты, выѣхавъ отъ Мамая и вступивъ въ предѣлы Московскаго княжества, онъ разорвалъ грамоту, передалъ лоскутки ея сопровождавшему ее татарскому чиновнику и сказалъ: „передай безумнѣйшему изъ людей твоему хану, что я его грамоту, исполненную гордости и безумія, не смѣлъ представить предъ свѣтлое лицо моего государя, но самъ я очень смѣялся его глупости, прочитавъ его грамоту“. Лоскутки грамоты и слова Тютчева были переданы Мамаю. Онъ выслушалъ ихъ съ гнѣвомъ и яростью и немедленно приказалъ мурзамъ выступить въ походъ.

Отправляя своего посла къ Мамаю съ данью и покорностью, онъ въ тоже время писалъ Димитрію: „Мамай идетъ со всѣмъ царствомъ своимъ на землю Рязанскую, противъ тебя и меня тоже. Но еще высока рука наша: бодрствуй и мужайся“.

Результатомъ этой двусмысленной политики было избавленіе княжества отъ разоренія и ослабленіе силъ двухъ главныхъ его непріятелей.

16) Объ отступленіи Тамерлана лѣтописи разсказываютъ слѣдующее преданіе: Однажды ханъ дремалъ въ своемъ шатрѣ, и ему привидѣлась лучезарная жена, окруженная тьмами молніеносныхъ воиновъ, которые грозно устремились на него; ханъ проснулся въ испугѣ и велѣлъ войскамъ идти назадъ. Въ это время изъ Владиміра привезли въ Москву икону Божіей матери, написанную по преданію, евангелистомъ Лукою и богато оправленную еще Андреемъ Боголюбскимъ. Набожные Москвитяне на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили икону, построили Срѣтенскій монастырь въ пам. избавленія своего отъ Тамерлана.

17) Въ несчастномъ исходѣ битвы при Любутскѣ принималъ дѣятельно участіе Московскій князь Василій, тесть Витовта. Когда въ началѣ войны Олегъ осадилъ Любутскъ, то Василій прислалъ пословъ и просилъ Олега снять осаду, обѣщая примирить его со своимъ тестемъ, у котораго наканунѣ осады провелъ Пасху.—Олегъ послушался совѣта, снялъ осаду, но война не только не прекратилась, а напротивъ приняла еще больше ожесточенный характеръ.

18) Объ основаніи Солотчинской обители въ монастырскихъ запискахъ сохранилось слѣдующее преданіе: случилось князю вмѣстѣ съ супругою Ефросиньею быть на берегу Солотчи въ одномъ глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Здѣсь они встрѣтили двухъ отшельниковъ, Василія и Ефимія, пришедшихъ неизвѣстно откуда. Эта встрѣча навела князя на мысль построить при устьѣ рѣки монастырь. Основаніе и построеніе обетели относится къ концу XIV в. (1390 г.). Есть преданіе, что князь тогда-же принялъ на себя званіе инока съ име-

немъ Іоны, не оставляя впрочемъ княжескаго сана. Передъ концомъ жизни онъ похимился и назвался Іоакимомъ. Онъ скончался въ 1402 г., 5 Іюня. Тѣло князя было положено въ каменномъ гробѣ и погребено въ Покровскомъ храмѣ Солотч. обители. Княгиня Ефросинья также постриглась, принявъ имя Евпраксіи. жила въ Зачатейскомъ монастырѣ, въ 3 верстахъ отъ Солотчинскаго. Она скончалась 3 года спустя послѣ Олега и была погребена въ томъ-же Покровскомъ храмѣ подлѣ своего супруга.

На гробницѣ Олега лежитъ его панцырь, составленный изъ желѣзныхъ колецъ. Въ самой могилѣ показываютъ черепъ и кости великаго князя.

19) Для желающихъ ознакомиться подробно съ родославной Муромскихъ князей, мы приводимъ слѣдующую выписку изъ «Родословицы князей Россійскихъ»:

Сидѣли на Муромскомъ княженіи Святослава Черниговскаго дѣти и внучата перемѣняясь. Муромъ и Рязань была за Олегомъ Святославичемъ за Черниговскимъ.

Въ лѣто 1127 князь Всеволодъ Олеговичь Кіевскій, внукъ Святослава Черниговскаго Ярослава Святославича согна съ Чернигова и и Ярославъ сѣде на Муромѣ и на Рязани и сѣде два года и преставися въ Муромѣ, и на Рязани и на Муромѣ осталися дѣти его Ростиславъ да Святославъ. А у Святослава Ярославича сынъ былъ Владиміръ и преставися на Рязани.

Въ лѣто 1175 преставися князь Юрій Владиміровичъ. А по немъ были на Муромѣ дѣти его Владиміръ да Давидъ.

Въ лѣто 1204 преставился на Муромѣ Владиміръ Юрьевичъ Муромскій, а остался на Муромѣ братъ его князь Давидъ Юрьевичъ.

Въ лѣто 1228 преставися князь Давидъ Муромскій въ чернецехъ. А по немъ сѣде на Муромѣ сынъ его Ярославъ. А у него было два сына: Юрій да Василій.

Въ лѣто 1345 преставися на Муромѣ кн. Василій Ярославичъ Муромскій.

Въ 1351 князь Юрій Ярославичъ Муромскій обнови отчину свою Муромъ, запустѣвшую отъ первыхъ князей.

Въ лѣто 1354 кн. Ѳедоръ Глѣбовичъ поиде ратью къ Мурому на князя Юрія Ярославича и согна князя Юрія, а самъ сѣде на Муромѣ. И поидоста оба въ орду. И царь даде Муромъ кн. Ѳедору Глѣбовичу, и князя Юрія ему-жъ выдалъ.

20) Въ 1144 году лѣтописи временъ Василія Темнаго упоминаютъ о казакахъ Рязанскихъ, область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію ордынскихъ хищниковъ весьма нуждалась въ такихъ защитникахъ, какими явились казаки на берегахъ Дона. Въ казаки записывались люди молодые и по большей части бездомовные и безсемейные. Но кажется, что нѣкоторые изъ нихъ скучали бездомовной жизнью. На это указываетъ пословица: «Донъ! Донъ! а дома лучше». *(Примѣч къ Ист. Р. Кн. Воздвиженскаго).*

Цѣна 40 коп., а для учебныхъ заведеній **30** коп.